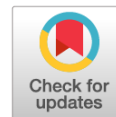

Теря и практика демократии. Часть 2*

Керимов А.Д.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного права
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
член Общественного научно-методического консультативного совета
при ЦИК России
E-mail: rjls@bk.ru

***Аннотация.** В настоящей работе автор вовсе не стремится идеализировать демократию, рассматривая ее исключительно сквозь призму присущих ей ценных качеств, достоинств и преимуществ. Напротив, он ставит перед собой цель вскрыть пороки и изъяны, имманентно и априори присущие демократическому способу формирования, организации и функционирования государственной власти и соответствующей идеологии. В заключительной части статьи намечаются некоторые возможные пути и формы преодоления выявленных недостатков.*

***Ключевые слова:** демократия, либерализм, капитализм, свободный рынок, правящая элита, управление, идеология, аристократия, меритократия, интеллигенция.*

Общетеоретическое, философское основание, первопричину этого недостатка демократии следует искать в своего рода *априорной антиномичности демократии*. В этом способе формирования, организации и функционирования государственной власти и соответствующей ему идеологии изначально заложено неразрешимое противоречие. Демократии имманентно присущи две цели, каждая из которых, по-видимому, в одинаковой мере может претендовать на то, чтобы считаться первостепенной: стремление к наиболее разумному и справедливому решению или выбору и желание, опять же во имя торжества справедливости, непременно уравнять всех членов социума в политической сфере, предоставить всем равные права при принятии решения или осуществлении выбора. Но люди, если иметь в виду их интеллект, нравственные качества, свойства характера, аксиологические установки и проч. далеко не равны, и, кстати, никогда и никаким социумом не рассматривались и по сей день не рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных единиц. Предоставляя же неравным индивидам равные права, невозможно в принципе достичь ни одной из заявленных целей, а именно: во-первых, гарантировать разумность и справедливость решения или выбора, во-вторых, обеспечить соблюдение основополагающего принципа социальной справедливости воздаяния каждому по заслугам.

Следующий недостаток демократии, на который хотелось бы обратить внимание, логически вытекает из первого. Полагается, что власть имущие при демократической форме правления и соответствующем политическом режиме должны

действовать и действуют в интересах большинства. Выдающийся шотландский экономист и философ XVIII столетия, основатель классической школы политической экономии А. Смит полагал, что заблуждения, заключающие в себе некоторую долю правды, являются наиболее опасными. Именно к такого рода заблуждениям и относится приведенное выше. Ведь порою господствующая элита в самом деле выступает защитником интересов большинства. Но дело так обстоит далеко не всегда. Так происходит лишь при условии, *если забота о всеобщем благополучии и благосостоянии входит в число ценностных установок властвующей элиты. В противном случае пришедшее к власти демократическим путем меньшинство, особенно если оно представлено людьми безнравственными, гораздо охотнее действует в своих собственных интересах, которые вовсе не обязательно совпадают с общественными.* Демократия, таким образом, вовсе не является безусловной гарантией продвижения социума по пути достижения общих целей. У граждан же не имеется практически никаких возможностей заставить избранных лиц — президента, парламентариев (тем более назначенных ими министров и других представителей исполнительной ветви власти) соблюдать интересы всего общества, проводить именно ту политику, за обещание которой они собственно и были избраны. Без сомнения, известное утверждение активного участника французской буржуазной революции конца XVIII в. О.Г.Р. де Мирабо, согласно которому правительство существует не для выгоды и удобства тех, кто правит, и по сей день во многом продолжает оставаться не более чем благим пожеланием.

Более того, *демократия, проявляющаяся, в частности, в выборности значительной части государственных мужей, оказывает на их пове-*

* Часть 1 статьи опубликована: *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 2 (3). С. 82–91.

дение, на их профессиональную деятельность существенное негативное воздействие. Дело в том, что посредственные и недобросовестные политики, коих, естественно, немало, озабочены прежде всего тем, чтобы сохранить свое положение. А для этого необходимо привлечь на свою сторону достаточное количество избирателей всей страны или округа и одержать победу на общенациональных или региональных выборах. В результате такие политики нередко высказывают предложения, выдвигают идеи и лозунги откровенно демагогического, популистского характера, практическая реализация которых либо невозможна, либо нецелесообразна и даже вредна. Вместо того чтобы думать о благе народа и процветании Отечества, они стремятся любой ценой завоевать симпатии избирателей, понравиться им, превращаясь тем самым в услужливых рабов толпы, в заложников ее более чем непостоянных предпочтений и настроений. Тот факт, что эти предпочтения и настроения весьма и весьма изменчивы, подтверждается, в частности, следующими данными: до 25 % голосующих избирателей принимают окончательное решение в самый последний день, до 10 % испытывают так называемый шок кабины голосования и радикально меняют, казалось бы, выношенное решение уже при заполнении бюллетеня¹.

Таким образом, политики, всецело поглощенные исключительно желанием властвовать, конечно же, не действуют в интересах большинства, они лишь преследуют цель угодить большинству. А это, понятно, далеко не одно и то же.

Но даже если предположить, что «избранники народа» заботятся о всеобщем благе и искренне стремятся к реализации всеобщей воли, демократия, так сказать, с чисто технологической точки зрения, зачастую этому не способствует. На данное обстоятельство обращают внимание многие отечественные и зарубежные юристы, социологи и политологи. Так, венгерский государствовед А. Шайо пишет: «В парламентских представительных системах, действующих на основе принципа мажоритарности, для избрания представителя в парламент необходима по крайней мере половина голосов избирателей, затем для принятия закона достаточна половина (как по бельгийской конституции) или четверть (как в Венгрии) представителей. Может случиться, следовательно, что даже в случае более строгих требований (как в Бельгии) для принятия закона окажется достаточной воля лиц, представляющих лишь четвертую часть избирателей; в других странах для того, чтобы в соответствии со всеми формальными условиями демократической легитимности был принят закон как выражение народного суверенитета и всеобщей воли,

практически достаточно голосов представителей 5 % населения»². Автор далее убедительно доказывает это на конкретных примерах.

Мы усматриваем порок демократии также в том, что она создает и у широких масс населения, и у правящей элиты ложное представление, согласно которому в отправлении властных полномочий в государственно-организованном социуме могут участвовать буквально все и каждый, вне зависимости от его компетентности, образованности, степени профессиональной подготовленности, накопленного жизненного опыта, талантов и т.п. Это опасное заблуждение решительно игнорирует тот, казалось бы, очевидный факт, что понимаемое в широком смысле государственное управление есть один из наиболее сложных видов человеческой деятельности, требующий соответствующих специальных знаний и навыков, широкой эрудиции и даже мудрости. Названное превратное представление обуславливает то обстоятельство, что в демократических обществах бразды правления нередко оказываются в руках людей бездарных, не имеющих ни способностей, ни склонностей к осуществлению властных функций. Почти «идеальным» примером в этом отношении может служить Россия периода президентства Б.Н. Ельцина. «Почти» — потому, что в 90-х гг. XX столетия наша страна, конечно же, не являлась демократической.

Другой недостаток демократии непосредственно связан с колоссальным заблуждением, овладевшим умами значительной части населения разных стран, по крайней мере в истекшие несколько столетий. Оно, на наш взгляд, достаточно полно может быть выражено следующей незамысловатой формулой: «Чем больше демократии, тем лучше». Наиболее последовательные проповедники этого постулата предпринимают чрезвычайно активные попытки провести его

² Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. М.: Юристъ, 2001. С. 62–63. В том же ключе рассуждает и доктор политических наук В.В. Мартыненко. По его мнению, «в настоящее время в большинстве стран, формально исповедующих демократические принципы, тот факт, что тот или иной лидер, та или иная политическая партия были избраны демократическим путем, отнюдь не означает, что они представляют большинство общества. Как правило, в выборах принимают участие не более 50 % граждан, и победитель определяется на основе данных о большинстве граждан, принявших участие в голосовании. Это часто означает, что они получили свой мандат на власть в лучшем случае от имени одной трети или даже одной четверти населения страны. При этом следует учитывать и тот факт, что классическая теория демократии предполагает, что на демократических выборах решается задача определения направлений государственной политики, а не просто избрание новых «понаравившихся» руководителей государства, которые затем сами будут принимать политические решения. Однако в реальной действительности, как правило, «воля большинства» определяет только лидеров, что на самом деле существенно снижает ценность и значение демократических процедур». (Мартыненко В.В. Кальдера государственной власти. М.: Академия, 2005. С. 187–188).

¹ См.: Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М.: ИГП РАН, 1995. С. 13.

в жизнь, то есть внедрить повсеместно демократическую идеологию, распространить демократические принципы и процедуры принятия решений буквально на все сферы общественной жизни, подлежащие государственному регулированию и управлению. Надо признать, что зачастую им это удается. *В результате демократия как политическое мировоззрение и как технология успешно осуществляет экспансию там, где это не представляется необходимым ни с позиций здравого смысла, ни с точки зрения достижения общего блага.* Так, демократически, иначе говоря большинством голосов (или от имени большинства), «улаживаются» противоречия и конфликты, возникающие на религиозной почве, национальные вопросы, порою даже разрешаются научные споры и т.д. Поистине мы являемся свидетелями «торжества» демократии! Между тем совершенно ясно, что подобно тому, как опасно и вредоносно распространение рыночных отношений на все области человеческой жизнедеятельности, столь же неразумно и порочно непомерное расширение круга действия демократических отношений.

Отсюда логически следует еще один изъян демократии. Она таит в себе величайшую угрозу, нависшую над человечеством, которая, однако, в наши дни в значительной степени уже стала реальностью. Победно шествуя по миру, завоевав и продолжая завоевывать умы и сердца миллионов, демократия, фактически возведенная в развитых странах в ранг государственной идеологии³, априори содержит в себе пагубную и чрезвычайно опасную тенденцию общественного развития, свидетелями воплощения в действительность которой мы все сегодня являемся. Никем и ничем не ограничиваемая, не сдерживаемая и не контролируемая, порою доведенная до абсурда демократия *оказывается одержима неумным стремлением навязать по любому поводу и всем без исключения весьма произвольно трактуемую волю большинства (точнее, волю тех, кто выступает от имени большинства) и обеспечивает тем самым преобладание примитивных, порою низменных, запросов толпы над притязаниями натур возвышенных на духовность. Демократия, как это ни прискорбно, не имеет ни малейшего интереса к качеству личности, безразлична к ее содержательной стороне, игнорирует ее субстанциальность. Посему она вовсе не порождает чрезвычайно важную и полезную привычку уважать пре-*

³ По мнению американского политолога, специалиста в области проблем демократии Л. Даймонда, «не появилось никакой антидемократической идеологии, которая обладала бы притягательностью для всего мира и могла бы бросить вызов сохраняющейся глобальной идеологической гегемонии демократии как принципа и формальной структуры правления» (Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис: политические исследования. 1999. № 1. С. 21).

восходство интеллектуальное и нравственное. «Благодаря» этому изначально заложенному в ней пороку, мы почти повсеместно наблюдаем победу бессовестности над порядочностью, невежественности над эрудированностью, скудоумия и поверхностности взглядов над остротой и глубиной мысли, бездарности над талантом, посредственности над незаурядностью.

К недостаткам демократии можно отнести и то, что *в условиях этого политического режима всегда сохраняется опасность подавления оппозиционного меньшинства.* Следует здесь признать правоту либералов в лице близкого по взглядам Е.Т. Гайдару экономиста А.В. Улюкаева, настаивающего на том, что демократия — это власть большинства (для нас — меньшинства, представляющего большинство), указывающего (конечно, по праву, конечно, по закону, принятому им же, большинством) меньшинству, как ему жить, более того, что демократия — это априорная правота большинства⁴.

Как показывает мировая политико-правовая практика, при демократии меньшинство порою оказывается в довольно тяжелых условиях: любые проявления оппозиционности жестко пресекаются, представители оппозиции лишаются возможности реально участвовать в управлении государственными и общественными делами, нередко преследуются за свои убеждения и политическую деятельность в административном и уголовном порядке.

В этом нет ничего удивительного. Ведь, несмотря на то, что демократия как определенная идеология, безусловно, предполагает защиту прав меньшинства (американский политолог Р.М. МакАйвер даже полагает, что отличительная черта демократии — не господство большинства, а те основополагающие права, которые она обеспечивает меньшинству⁵), как технология политического процесса она этого почти не гарантирует. «Гарантиями, объединяющими и “большинство”, и “меньшинство” в ходе принятия решений посредством демократического процесса, — пишет Л.А. Нудненко, — являются признания и теми и другими таких правовых, политических и нравственных ценностей демократии, как свобода и права личности, равенство индивидов, преобладание индиви-

⁴ См.: Улюкаев А.В. Либерализм и политика переходного периода в современной России // Мир России. 1995. Т. 4. № 2. С. 5.

⁵ См.: MacIver R.M. Academic Freedom in Our Time. N.Y., 1955. P. 251. Французский писатель, философ-эксистенциалист А. Камю также считает, что демократия — «это не власть большинства, а защита меньшинства». (Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. С. 121). Тот факт, что при демократии права меньшинства должны быть защищены, отмечают многие видные представители современной политической мысли. (См., напр.: Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. С. 29–30; Даймонд Л. Указ. соч. С. 14.).

дуалистического сознания, исходящего из ценностного приоритета личности по отношению к коллективу и государству»⁶. Но это не слишком надежные гарантии. Они не подкреплены в достаточной степени структурно и институционально, а относятся скорее к духовной сфере, то есть к той сфере общественного бытия, где все чрезвычайно подвижно, зыбко, переменчиво, эфемерно. Конечно, что касается меньшинства, то оно естественным образом заинтересовано в признании названных мировоззренческих установок. Однако с большинством дело обстоит совершенно по-другому. Нет ни малейших оснований полагать, что оно всегда, во всех случаях будет строго придерживаться перечисленных и прочих либерально-демократических ценностей. «История знает немало случаев, вроде якобинской диктатуры, — напоминают М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль и Ю.Е. Федоров, — когда ничем не сдерживаемая воля большинства автоматически приводила к утверждению деспотизма»⁷. Она изобилует и множеством других фактов, когда по воле большинства происходили сдвиги отнюдь не в сторону прогресса.

Таким образом, все зависит исключительно от доброй воли победившего большинства, вернее, группы лиц, действующих от его имени.

Более того, демократия нередко выказывает удручающую нетерпимость, откровенную враждебность, чрезмерную агрессивность не только по отношению к оппозиции, но и вообще ко всему, что выходит за рамки общеустановленного, общепринятого и общеприемлемого. Она стремится во что бы то ни стало всех уровнять, непременно привести к общему знаменателю, подогнать под единый, не обязательно лучший стандарт⁸.

Разумеется, могут возразить, что подобная ситуация скорее характерна для стран, лишь недавно вставших на путь демократических преобразований. Именно в таких государствах прозелиты демократической идеологии поначалу оказываются особенно ревностными и действуют особенно рьяно. Но в том то и дело, что даже зрелая, развитая демократия, казалось бы, прочно укоренившаяся в жизнедеятельности государственно-организованного социума, весьма неустойчива: она постоянно дрейфует то в сторону

диктатуры⁹, то в сторону охлократии, балансирует между ними и может гораздо легче и быстрее, чем полагают многие, трансформироваться либо в первую, либо во вторую. Следует, кстати, признать абсолютно правильным замечание профессора Йельского университета И. Шапиро о том, что в политической науке накоплено на удивление мало знаний о возможных путях и способах сохранения демократии. Он, в частности, подчеркивает, что «вопросы о том, какие институциональные и культурные факторы в большей, а какие — в меньшей степени способствуют политической стабильности демократии, во многом еще находится в стадии разработки»¹⁰. Когда же демократия отступает, положение оппозиции оказывается поистине ужасающим.

Нельзя обойти вниманием и еще один порок демократии. Он состоит в том, что *в определенной части демократическая идеология обнаруживает свою крайнюю лицемерность*. Будучи призванной маскировать названные выше и другие несомненно имеющиеся недостатки соответствующего способа государственного властвования, демократическая идеология выполняет еще одну важную и при этом, по сути, вредоносную функцию. В отличие от идеологий монархического и аристократического режимов, которые в данном случае действуют, что называется, с открытым забралом, она создает у простых людей, обычных граждан ложное впечатление, опасную иллюзию *сопричастности к принятию общезначимых решений, к управлению делами государства, социума* и, что еще хуже, *формирует у них глубоко ошибочное представление о существовании якобы вполне реальной возможности сравнительно легко влиться в ряды властвующей элиты*. Тем самым обеспечивается зачастую весьма энергичная поддержка правящего «демократического» меньшинства со стороны большинства введенного в заблуждение или попросту обманутого населения, поддержка, порою оказываемая даже тогда, когда это меньшинство проводит явно неразумную, некомпетентную, бездарную, а то и откровенно антинародную политику.

Между тем очевидно, что в странах с многомиллионным населением, где общенациональные и региональные референдумы и выборы — событие не столь уж частое, то есть практически во всех странах мира, влияние отдельно взятого избирателя на формирование властных структур и принятие важнейших государственных решений ничтожно или, выражаясь математическим языком, стремиться к нулю. Что же касается воз-

⁶ Нудненко Л.А. Теория демократии. М.: Юрист, 2001. С. 42.

⁷ Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация // Полис: политические исследования. 1996. № 4. С. 160.

⁸ Как не вспомнить здесь слова выдающегося русского писателя, литературного критика и социолога К.Н. Леонтьева, являвшегося, согласно оценке Н.А. Бердяева, единственным крупным мыслителем консервативного лагеря: «все изящное, глубокое, выдающееся чем-нибудь, и главное, и утонченное, и первобытное, и капризно-развитое, и блестящее, и дикое одинаково отходит перед твердым напором этих серых средних людей» (Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнарера, 1885. Т. II. С. 219).

⁹ Процесс перерождения демократии в диктатуру подробно описан А.Н. Медушевским. См.: Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 3–23.

¹⁰ Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис: политические исследования. 2001. № 5. С. 62.

возможности примкнуть к стану власть имущих, то здесь шансы у рядовых обывателей еще ниже. В условиях общественной стабильности пополнение господствующей элиты происходит главным образом за счет нее самой. Это было убедительно доказано, в частности, американским социологом прошлого столетия Р. Миллсом¹¹.

Наконец, в определенные периоды жизни социума демократия как форма организации и функционирования государственной власти оказывается совершенно неприемлемой. Так, она обнаруживает свою крайнюю неэффективность и даже вредность тогда, когда длительные и неспешные дискуссии и переговоры, имеющие целью согласование различных интересов и позиций и в конечном счете достижение консенсуса, невозможны в принципе, ибо общественно-политическая и экономическая ситуация неумолимо диктует другие «правила игры», навязывает иной «алгоритм» действий. Случается, и не столь уж редко, что положение в стране требует скорейшей консолидации, централизации и концентрации всех имеющихся властных ресурсов на наиболее важных в данный момент направлениях, незамедлительного принятия однозначных жестких управленческих решений и их осуществления на практике в кратчайшие сроки во имя спасения целого, то есть народа и государства. Такого рода ситуации возникают, как правило, в условиях войн, массовых волнений, глубоких и всеобъемлющих системных кризисов, стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий смертельно опасных болезней и т.п. Нетрудно заметить, что в современном мире эти и другие несчастья и напасти отнюдь не являются редкостью. В подобных условиях демократические способы и методы правления вынужденно уступают место авторитарным.

Перечисление недостатков демократии можно было бы продолжить. Но и эти, на наш взгляд, красноречиво свидетельствуют о том, что демократия как идеология и как определенная технология политического процесса далека от совершенства. Это вовсе не означает, что мы предлагаем от нее отказаться. На протяжении всей истории человечества лучшие его представители боролись и продолжают бороться сегодня за торжество идеалов демократии, нередко принося в жертву даже свои жизни. Эти жертвы, конечно же, не напрасны. Демократия есть наиболее рациональный способ согласования различных интересов, по-видимому, наиболее справедливая из изобретенных к сегодняшнему дню и реализуемых на практике форм государственной власти. Но ее, как мы полагаем, можно и должно усовершенствовать.

Между тем многим современным социально-политическим концепциям, равно как и обще-

ственному мнению в развитых странах (да и не только в развитых) свойственны идеализация демократии, взгляд на нее исключительно сквозь призму присущих ей ценных качеств, достоинств и преимуществ. Как справедливо отмечает Л.Н. Доброхотов, демократия рассматривается большей частью человечества в качестве абсолютного добра¹². Миллионы людей, осознавая ее несовершенство по целому ряду моментов, тем не менее вполне искренне считают, что «лекарством против демократии является еще большая демократия». Р. Кирк еще в 1956 г. весьма точно заметил, что отзвуки «этой глупой фразы» продолжают раздаваться на руинах Европы и Азии, и «каждая политическая система нашего века претендует на то, что она — самая демократичная»¹³.

Удивительно, но за истекшую более чем половину столетия ситуация ничуть не изменилась. И сегодня многие ученые-обществоведы, обычные граждане и даже политики (хотя последние, конечно же, в меньшей степени в силу наличия соответствующего приобретенного в процессе практической работы опыта) убеждены в том, что если государственный механизм страны недостаточно действенен, плохо функционирует, дает сбои, то его попросту необходимо демократизировать, и тогда все чудесным образом, как бы само собой наладится.

Разумеется, далеко не все придерживаются подобной точки зрения. Так, В.В. Мартыненко вообще считает, что понятие «демократия» не связано с проблемами эффективного функционирования государства¹⁴. Это верно лишь отчасти, ибо демократия предполагает контроль над государственно-властными структурами (и со стороны других аналогичных структур, и со стороны общества в лице его тех или иных институтов), что, в свою очередь, вполне может способствовать повышению результативности их деятельности. Вместе с тем В.В. Мартыненко и другие исследователи, отстаивающие такую же позицию, во многом правы, поскольку, как показывает историческая практика, «самая демократичная» политическая система вовсе не означает «самая лучшая, самая эффективная и в наибольшей степени отвечающая общественным интересам». Кроме того, сомнительно, что устранение пороков демократической политической системы возможно путем усиления ее демократических начал, что преодоление кризиса демократии может быть осуществлено посредством выработки

¹¹ Об этом см.: Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология: в 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М.: Инфра-М, 2000. С. 310–312.

¹² Доброхотов Л.Н. Современная демократия: состояние и перспективы // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета / под общ. ред. С.Н. Бабурина. М.: Единство, 2004. С. 353.

¹³ Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для человека? // Полис: политические исследования. 2001. № 3. С. 142.

¹⁴ См.: Мартыненко В.В. Указ. соч. С. 186.

и внедрения в общественно-политическую практику новых, доселе неизвестных демократических процедур, форм и методов. Конечно, в ряде случаев такой путь нельзя полностью исключать. Однако мы думаем, что для решения этой проблемы в принципе необходимо предпринимать шаги в совершенно ином направлении.

Здесь имеет смысл обратиться к мировому конституционно-правовому опыту. В Основном законе Италии (ст. 59) содержится, с нашей точки зрения, замечательное по своей значимости для действенного функционирования государственного механизма положение, согласно которому президенту Республики предоставляется право назначать пожизненно сенаторами 5 граждан, прославивших Родину выдающимися достижениями в социальной, научной, художественной и литературной областях. Глава государства, в соответствии с данной конституционной нормой, принимает решение единолично. Но при этом, как явствует из текста статьи, его свобода в выборе соответствующих кандидатур сильно ограничена. Можно надеяться, что назначенными членами верхней палаты парламента вряд ли окажутся персонажи, единственным «достоинством» которых является личная преданность высшему должностному лицу государства. Ведь ст. 59 итальянской Конституции, по сути, обязывает президента предлагать столь ответственные посты не друзьям и единомышленникам, а людям, на деле доказавшим свои незаурядные интеллектуальные способности и профессионализм. У населения же страны есть все основания полагать, что эти сенаторы будут в процессе своей новой для них парламентской деятельности принимать взвешенные и мудрые решения, работать много и честно во имя процветания Отечества, то есть так, как и делали всю жизнь.

Аналогичные положения закреплены и применяются в некоторых других государствах.

Многие институты конституционного контроля формируются путем назначения. Так, во Франции глава государства, председатель Национального Собрания и председатель Сената назначают каждый по 3 члена Конституционного совета. Помимо этих 9 человек в Совет пожизненно входят бывшие президенты Французской Республики. Председатель Конституционного совета назначается президентом страны. Его голос является решающим в случае разделения голосов поровну (ст. 56 Конституции Франции). Конституционный Суд Италии состоит из 15 судей, назначаемых по третям: президентом Республики, парламентом на совместном заседании палат и Высшей общей и административной магистратурой (ст. 135, абз. 1 Конституции Италии). 12 членов Конституционного Суда Испании назначаются королем; из них 4 — по предложению Конгресса, принимаемому большинством в 3/5

голосов его членов; 4 — по предложению Сената, принимаемому таким же большинством; 2 — по предложению правительства и 2 — по предложению Генерального совета судебной власти. Председатель Конституционного Суда назначается королем из числа его членов по предложению полного состава этого Суда (ст. 159, ч. 1 и ст. 160 Конституции Испании).

Кроме того, к лицам, входящим в состав структур, осуществляющих конституционный контроль, законодательство предъявляет, как правило, очень жесткие требования: высокий уровень квалификации, длительный стаж работы по юридической специальности, безупречная репутация и т.д. В качестве примера можно привести положения ст. 159 (ч. 2) Конституции Испании, в соответствии с которыми все члены Конституционного Суда должны быть юристами, чья компетентность общепризнанна, и работать в своей профессии к моменту назначения более 15 лет. Показательна в этом плане и ст. 8: «Требования, предъявляемые к кандидату на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 27.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В ней говорится, что в состав этого органа может быть назначен только гражданин страны, достигший ко дню назначения возраста не менее 40 лет, с безупречной репутацией, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, обладающий, наконец, признанной высокой квалификацией в области права.

Подобного рода установления ни у кого не вызывают неприятия. Напротив, они признаются вполне логичными, разумными и обоснованными. Ведь все понимают, что для вынесения решений по такому сложному и важному вопросу, как соответствие или несоответствие того или иного нормативно-правового акта Основному закону страны, для рассмотрения споров о компетенции между органами государственной власти, выполнения некоторых других отправляемых конституционными судами функций¹⁵ необходимы знание и опыт, профессионализм и беспристрастность, честность и неподкупность.

Эти и подобные им установления преследуют одну, с нашей точки зрения, весьма благородную цель: привлечь к управлению государственными делами лучших людей. И, как мы видим, такое «привлечение» осуществляется далеко не демократическим путем именно потому, что демократия в принципе не в состоянии полностью гарантировать участие во власти наиболее достойных. Таким образом, налицо робкие попытки, первые несмелые шаги, предпринима-

¹⁵ О полномочиях конституционных судов см. подробно: Нуриев Г.Х. Европейская модель конституционного судопроизводства. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 43–91.

емые для того, чтобы избавиться от изъянов демократии посредством внедрения элементов аристократической (или, если угодно, меритократической) формы правления в ее, разумеется, современной интерпретации. Однако их явно недостаточно. Нужно идти гораздо дальше.

Если попробовать дать в самом общем виде ответ на вопрос, что нужно сделать для преодоления недостатков демократии (главным образом первого, рассмотренного нами выше), то он мог бы быть следующим: *необходимо создать разветвленную, многоуровневую, хорошо сбалансированную, действенную систему мер, нацеленную на обеспечение деятельного участия в государственном управлении наиболее достойных представителей нации*. Речь идет о том, чтобы люди, благодаря своим талантам и трудолюбию достигшие значительных высот в той или иной области общественной жизнедеятельности, те, кто, по общему признанию составляют цвет нации, активно участвовали во власти.

Теоретико-методологическим, общефилософским основанием такой позиции служит идея, высказанная еще в 1938 г. великим русским философом Н.А. Бердяевым о том, что люди духа и интеллекта должны осознавать свою социальную миссию, свою призванность служить делу справедливости. «Будущее человечества, — настаивал он, — зависит от того, будут ли соединены в мире движение духовное и движение социальное, будет ли связано создание более справедливых и более человеческих обществ с защитой духовных ценностей, с духовной свободой, с достоинством человека, как духовного существа»¹⁶. А это, по нашему убеждению, практически возможно лишь при условии «одухотворения» власти, чего в принципе нельзя в полной мере достичь путем внедрения в государственно-правовую сферу только демократических процедур, форм и методов, распространения и укоренения в сознании простых людей и правителей исключительно идеологии демократии.

В современных, по большей части несправедливых и бесчеловечных обществах крупными политическими деятелями становятся в силу различных причин: поддержка со стороны масс или сильных мира сего (в том числе из-за рубежа), огромное личное состояние, обширные связи в правящих кругах, просто удачное стечение обстоятельств и т.д. Но в ряду этих причин далеко не всегда обнаруживается принадлежность к интеллектуальной и духовно-нравственной элите страны. Между тем «на общественную деятельность, — справедливо отмечает известный русский историк и социолог XIX–XX столетий Н.И. Кареев, — имеют право наиболее сильные умом и образованием, чуткостью и преданно-

стью общественным интересам, характером и опытностью люди. То общество страшно теряет, где такие люди не могут пробиться вперед, на место, принадлежащее им по праву»¹⁷.

Именно сегодня, когда в связи с усложнением процессов социального управления многократно возрастает потребность в принятии на государственном уровне ответственных и компетентных решений, особенно необходима система мер, гарантированно обеспечивающая постоянное и значительное, с точки зрения численности, присутствие в стане власть имущих лиц, в чьих высоких интеллектуальных и моральных качествах не приходится сомневаться. Такая система, само собой разумеется, должна быть закреплена законодательно (желательно на конституционном уровне) и иметь в качестве единственного основания участия названных лиц во власти их принадлежность к, условно говоря, классу «новой аристократии», то есть к классу тех, кто только своим трудом и выдающимися достижениями завоевал себе привилегированное положение в обществе.

Здесь мы предвидим возможность довольно веского возражения, базирующегося на достаточно широко распространенном мнении, отстаиваемом, в частности, французским правоведом А. Эсменом. Он полагал, что нельзя найти достоверных признаков для выявления тех, кто в социуме является самыми мудрыми¹⁸ (следовательно, и наиболее достойными, лучшими и т.п.). Проблема действительно существует. Кто и по каким критериям должен и может установить интеллектуальное, нравственное и духовное превосходство одних над другими? И тем не менее очевидно, что в значительной мере это возможно. Широкие слои населения отнюдь не лишены способности, пусть не всегда на основе рационального выбора, а скорее на чувственном уровне, по наитию, по некоему вдохновению, как бы внушенному какой-то высшей силой, выделять людей умных и одаренных. Что же касается интеллигенции, то она в данном случае исполняет роль «судьи» гораздо осмысленнее и успешнее. Интеллигенция, истинная интеллигенция при определении своих авторитетов ошибается гораздо реже, чем народ при выборе своих вождей. Вспоминается в этой связи не лишнее слово, хотя и содержащее явное преувеличение высказывание английского политического деятеля XIX столетия Маколея Томаса Бабингтона: «В любую эпоху самых злостных представителей рода человеческого следует искать среди народных вождей»¹⁹.

¹⁷ Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. V. Россия: конец XIX–XX вв. М.: Мысль, 1999. С. 119.

¹⁸ См.: Эсмен А. Общие основания конституционного права / под ред. Н.О. Бер. 2-е изд. СПб.: О.Н. Попова, 1909. С. 199.

¹⁹ Цит. по: Мудрость тысячелетий: энциклопедия / сост. В. Балязин. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 660.

¹⁶ Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции. Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М.: Наука, 1993. С. 285.

Формирование предлагаемой нами системы должно осуществляться не иначе, как на основе серьезного, взвешенного, научно-обоснованного подхода, коллективными усилиями и с учетом специальных знаний. Разумеется, что конкретные формы, способы и процедуры привлечения лучших людей к управлению государственными и общественными делами (как и вообще любые конкретные формы государственности) неизбежно будут существенно варьироваться от страны к стране, ибо они должны учитывать национально-культурные, религиозные и другие особенности, исторические традиции и обычаи народов. Поэтому в настоящей работе мы попытаемся лишь в самом общем виде наметить контуры, обозначить отдельные элементы системы, призванной обеспечить участие наиболее достойных личностей во власти. При этом выделяемые элементы в полной мере, как нам представляется, отвечают критерию универсальности, то есть в той или иной вариации могут быть применены во всех развитых странах.

Одним из них (по примеру Италии и некоторых других стран) вполне может стать конституционное положение, дающее главе государства право назначать в парламент (в случае двухпалатной структуры в каждую из палат), пожизненно или на какой-либо срок, определенное количество лиц. Данное положение должно быть сформулировано таким образом, чтобы исключить или хотя бы свести к минимуму возможность назначения членов президентской команды. Основным, точнее — единственным критерием отбора соответствующих кандидатур должны быть их заслуги перед Отечеством, их личный вклад в дело приумножения материального и духовного богатства Родины. Вероятно, на уровне Основного закона имеет также смысл предусмотреть, что один из таких парламентариев в обязательном порядке получает пост вице-спикера.

Сегодня практически во всех развитых и во многих развивающихся странах с высоких трибун органов государственной власти, по телевидению и радио, в периодической печати и в специальных публикациях по государствоведческой проблематике активно пропагандируется идея о необходимости достаточно широкого представительства во властных институтах национальных меньшинств (иногда даже сексуальных (!)), женщин, молодежи и т.п. Мы же полагаем, что гораздо важнее обеспечить участие во власти людей творческих, в первую очередь — научной интеллигенции. С этой целью целесообразно подумать о конституционном закреплении положения, согласно которому определенная часть (скажем, 1/10) мест в парламенте (в случае двухпалатной структуры, часть мандатов членов нижней палаты) в обязательном порядке резервируется исключительно за лицами, работающими в системе академий наук и высшего об-

разования. Причем избрание таких лиц должно осуществляться не всем населением страны, а их же коллегами, работающими в названной системе.

Исполнительно-распорядительные структуры также необходимо усиливать путем привлечения в них людей, посвятивших значительную часть жизни научным изысканиям и существенно в этом преуспевших. Можно было бы, в частности, законодательно предусмотреть порядок, в соответствии с которым во всех министерствах один из заместителей министра назначается из числа тех, кто является признанным научным авторитетом в соответствующей области, что подтверждается (помимо прочего) его высокими научными степенями и званиями.

Несмотря на некоторую радикальность и недемократичность этих предложений, мы не усматриваем ничего предосудительного в том, что в случае их практической реализации научная интеллигенция окажется в привилегированном положении по сравнению со всеми другими слоями населения. Нам представляется, что эта социальная группа в полной мере того заслуживает, ибо она, если воспользоваться определением популярной некогда органической теории общества, есть орган сознания общественного организма. Русский литературовед и социолог Иванов-Разумник в 1907 г. в своей статье «Что такое интеллигенция?» писал по поводу этого определения следующее: «Интеллигенция есть орган сознания общественного организма» — так в добрые, старые времена определяла значение интеллигенции так называемая органическая теория общества, в настоящее время окончательно опровергнутая; тем не менее мы всецело принимаем такое определение, обращая однако внимание не на его неудачную внешнюю форму, а на его глубокий внутренний смысл»²⁰. На наш взгляд, *вопреки естественно желать, чтобы именно такой орган, то есть орган, олицетворяющий собой разумное начало и генерирующий идеи, принимал деятельное участие в руководстве социумом.*

Следует также рассмотреть возможность учреждения, наряду с традиционными политическими институтами: правительством, парламентом и др., специального органа — Государственного, Национального или Высшего совета (название в данном случае не столь существенно), наделенного чрезвычайно важными властными полномочиями. Речь идет о том, чтобы предоставить этому органу право выступать в качестве последней инстанции при решении тех вопросов внутренней и внешней полити-

²⁰ Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: антология. С. 73. В этой работе автор предложил собственное видение данного понятия и определил интеллигенцию как этически — анти-мещанскую, социологически — внесловную, внеклассовую, преемственную группу, характеризующую творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности. (См.: Там же. С. 80.).

ки, которые имеют для страны в целом и каждого ее гражданина в отдельности принципиальное, судьбоносное значение. К их числу, безусловно, можно отнести: утверждение общей стратегической линии и основных, магистральных направлений экономического развития, рассчитанного на долгосрочную историческую перспективу; принятие военной доктрины; вступление в войну, использование вооруженных сил за рубежом и окончание боевых действий; введение режима военного или чрезвычайного положения; изменение правового статуса той или иной территории; назначение на некоторые особо ответственные государственные посты и т.д. Представляется, что решения по перечисленным и ряду других не менее значимых вопросов ни в коем случае не должны приниматься горсткой власть имущих, как это, к сожалению, происходит во всех современных демократиях (не говоря уже об авторитарных режимах). Напротив, в этом процессе должны самым активным образом участвовать те, кто по общему признанию составляет цвет нации, кто полагает свои силы и знания на общее благо и процветание Отечества, кто, по выражению В. Махнача, воспитан «в категории ответственности перед всем социумом»²¹.

Именно из таких людей и следует формировать орган, условно называемый нами Государственным советом. Способы его формирования могут быть различны: назначение главой государства, представление последним соответствующих кандидатур для утверждения в парламенте и др., исключая один — демократический, то есть путем всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Достаточно того, что таким образом формируются нижние палаты парламентов и избираются, как правило, президенты.

Мы, конечно же, полностью отдаем себе отчет в том, что выдвинутые нами предложения еще несовершенны и бессистемны. Они требуют существенной доработки, а их практическая реализация возможна, как уже отмечалось выше, лишь с учетом национальных особенностей. Кроме того, их явно недостаточно. Однако они объединены одной общей идеей, пронизаны одним стремлением — преодолеть недостатки демократии и тем самым улучшить функционирование современного государственно-организованного социума.

У человечества, по-видимому, нет иного выхода, как, следуя давно сложившемуся порядку, оставить зачастую недобросовестным и некомпетентным политикам возможность заниматься их профессиональной деятельностью, которая, заметим, нередко наносит непоправимый вред странам, народам и отдельным личностям. Но все мы можем хотя бы в какой-то степени попытаться лишить таких политиков права решать исключительно

по своему собственному усмотрению те вопросы, которые затрагивают наши жизненные интересы, судьбы отдельных людей и всего мирового сообщества. *Поскольку в государственном управлении не могут участвовать все и каждый, мы обязаны обеспечить участие во власти лучших из нас.*

Список литературы:

1. Авакян С.А. Конституционное право России. 2-е изд.: в 2 т. Т. 1. М.: Юристъ, 2006. 719 с.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. М.: Мысль, 1999. 830 с.
3. Афоризмы: По иностранным источникам / сост. П.П. Петрова, Я.В. Берлина; пред. Н.М. Грибачёва. 3-е изд. М.: Прогресс, 1985, 480 с.
4. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. 720 с.
5. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / пер. с англ. и франц.; сост. Л.И. Василенко, В.Е. Ермолаева; вводн. ст. Ю.А. Шрейдера. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
6. Дай Томас Р., Зиглер Хармон Л. Демократия для элиты. (Введение в американскую политику) / пер. с англ.; общ. ред. и пред. А.А. Мишин и В.А. Савельева. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.
7. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и её проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 69–75.
8. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ВШЭ, 2010. 318 с.
9. Добренко В.И., Кравченко А.И. Социология: в 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: Инфра-М, 2000. 292 с.
10. Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2012. 606 с.
11. Иванов В.В. Теория государства. М.: ВШЭ, 2010. 288 с.
12. Истоки и контуры демократии: круглый стол // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 3–16.
13. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 192 с.
14. Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для человека? // Полис: политические исследования. 2001. № 3. С. 139–149.
15. Крастев И. Управление недоверием. М.: Европа, 2014. 128 с.
16. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. М.: Логос: Прогресс, 2002. 224 с.
17. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 608 с.
18. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001. 656 с.
19. Нисевич Ю.А. Что есть демократия? // Вопросы политологии. 2012. № 1 (5). С. 5–16.
20. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука. 1996. 269 с.
21. Ставцева О.И. Диалог культур на фоне мультикультурализма. // Философия и культура. 2012. № 9. С. 173–179.
22. Осейчук В.И. Народ России как субъект строительства демократического правового социального государства. Тюмень: ТГУ, 2007. 223 с.
23. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации: круглый стол // Полис: политические исследования. 2001. № 1. С. 94–116.
24. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1. 448 с.
25. Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1988. 545 с.
26. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-пресс: Кучково поле, 1988. 416 с.
27. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.

²¹ Махнач В. Поиск земного совершенства // Независимая газета. 2000. 23 нояб.

28. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. 554 с.
29. Черняховский С. Романтика насилия. Ответ Александру Дугину, грезящему о пришествии диктатуры // Литературная газета. 2006. № 38 (6087).
30. Чиркин В.Е. Какая форма правления существует в современной России? // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 32–40.
31. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. 261 с.
32. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ.; науч. ред. Я.Н. Засульский. М.: Мысль, 1980. 325 с.
33. Шопенгауэр А. Под завесой истины: сб. Симферополь: Реноме, 1998. 496 с.
34. Bobbio N. L'utopia capovolta. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.

Theory and practice of democracy. Part 2

Kerimov A.D.,

Doctor of Law,

Professor Constitutional Law Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President The Russian Federation, member of the Public Scientific Methodological Consultative Council under the CEC of Russia
E-mail: rjls@bk.ru

Abstract. *In this paper, the author does not seek to idealize democracy, considering it solely through the prism of its inherent qualities, advantages and benefits. On the contrary, it aims to reveal the vices and defects, immanent and inherent in the democratic process for a priori formation, organization and functioning of the government and the respective ideology. In the final part of the article outlines some of the possible ways and forms to overcome identified shortcomings.*

Keywords: *democracy, liberalism, capitalism, free market, the ruling elite, the management, the ideology, the aristocracy, meritocracy and intellectuals.*

References:

1. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. 2-e izd.: v 2 t. T. 1. M.: Jurist', 2006. 719 s.
2. Antologija mirovoj pravovoj mysli: V 5 t. T. III. Evropa. Amerika: XVII–XX vv. M.: Mysl', 1999. 830 s.
3. Aforizmy: Po inostrannym istochnikam / sost. P.P. Petrova, Ja.V. Berlina; pred. N.M. Gribachjova. 3-e izd. M.: Progress, 1985, 480 s.
4. Borohov Je. Jenciklopedija aforizmov: Rossypi myslej. M.: AST, 2001. 720 s.
5. Global'nye problemy i obshhechelovecheskie cennosti / per. s angl. i franc.; sost L.I. Vasilenko, V.E. Ermolaeva; vvodn. st. Ju.A. Shrejdera. M.: Progress, 1990. 495 s.
6. Daj Tomas R., Zigler Harmon L. Demokratija dlja jelity. (Vvedenie v amerikanskuju politiku) / per. s angl.; obshh. red. i pred. A.A. Mishin i V.A. Saveleva. M.: Jurid. lit., 1984. 320 s.
7. Darendorf R. Doroga k svobode: demokratizacija i ejo problemy v Vostochnoj Evrope // Voprosy filosofii. 1990. № 9. S. 69–75.
8. Dzolo D. Demokratija i slozhnost': realisticheskij podhod. M.: VShJe, 2010. 318 s.
9. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologija: v 3 t. T. 3: Social'nye instituty i processy. M.: Infra-M, 2000. 292 s.
10. Dobrynin N.M. Universal'nyj jenciklopedicheskij slovar' dlja vseh i kazhdogo. Sovremennaja versija novejshej istorii gosudarstva. Novosibirsk: Nauka, 2012. 606 s.
11. Ivanov V.V. Teorija gosudarstva. M.: VShJe, 2010. 288 s.
12. Istoki i kontury demokratii: predatel'stvo demokratii i kruglyj stol // Svobodnaja mysl'. 1992. № 10. S. 3–16
13. Kerimov A.D. Gosudarstvennaja organizacija obshhestvennoj zhiznedejatel'nosti: voprosy teorii. M.: Norma: Infra -M, 2014. 192 s.
14. Kirk R. Kakaja forma pravlenija javljaetsja nailuchshej dlja cheloveka? // Polis: politicheskie issledovanija. 2001. № 3. S. 139–149.
15. Krastev I. Upravlenie nedoveriem. M.: Evropa, 2014. 128 s.
16. Ljesh K. Vosstanie jelit i predateľstvo demokratii / per. s angl. M.: Logos: Progress, 2002. 224 s.
17. Mal'cev G.V. Kul'turnye tradicii prava. M.: Norma: Infra-M, 2013. 608 s.
18. Marchenko M.N. Problemy teorii gosudarstva i prava. M., 2001. 656 s.
19. Nisevich Ju.A. Chto est' demokratija? // Voprosy politologii. 2012. № 1 (5). S. 5–16.
20. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiju prava. Krizis sovremennoje pravosoznaniya. M.: Nauka. 1996. 269 s.
21. Stavceva O.I. Dialog kul'tur na fone mul'tikul'turalizma. // Filosofija i kul'tura. 2012. № 9. С. 173–179.
22. Osejchuk V.I. Narod Rossii kak subekt stroitel'stva demokraticeskogo pravovogo social'nogo gosudarstva. Tjumen': TGU, 2007. 223 s.
23. Ocenka lichnostnyh kachestv rossijskih politicheskikh liderov: problemy izmerenija i interpretacii: kruglyj stol // Polis: politicheskie issledovanija. 2001. № 1. S. 94–116.
24. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. M.: Feniks, 1992. T. 1. 448 s.
25. Rembo A. Pojeticheskie proizvedenija v stihah i proze. M.: Raduga, 1988. 545 s.
26. Russo Zh.Zh. Ob obshhestvennom dogovore. M.: Kanon-press: Kuchkovo pole, 1988. 416 s.
27. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaja real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoj analiz // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 79–85.
28. Tokvil' A. de. Demokratija v Amerike. M.: Ves' Mir, 2000. 554 s.
29. Chernjahovskij S. Romantika nasilija. Otvet Aleksandru Duginu, grezjashhemu o prishestvii diktatury // Literaturnaja gazeta. 2006. № 38 (6087).
30. Chirkin V.E. Kakaja forma pravlenija sushhestvuet v sovremennoj Rossii? // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 32–40.
31. Shahraj S.M. Gosudarstvo i globalizacija: metodologicheskie i politiko-pravovye problemy. M.: MГИМО (U) МІД Россіі, 2002. 261 s.
32. Shiller G. Manipuljatory soznaniem / per. s angl.; nauch. red. Ja.N. Zasuľskij. M.: Mysl', 1980. 325 s.
33. Shopengaujer A. Pod zavesoj istiny: sb. Simferopol': Renome, 1998. 496 s.
34. Bobbio N. L'utopia capovolta. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.